

Нет никакого секрета жизни,
Просто продолжай идти.
Нет никакого секрета смерти,
Просто продолжай лететь.

Если где-то появилось солнце,
значит, где-то появилась
тьень.

Глава 1 НАЧАЛО

ЧЕРЕДА ПОДРОСТКОВЫХ САМОУБИЙСТВ

В НОЧЬ СО СРЕДЫ НА ЧЕТВЕРГ найден труп семнадцатилетнего подростка. Тело обнаружил водитель автобуса, проезжая под центральным мостом, в районе восьми-девяти вечера. Григорий Воронцов утверждает, что когда обнаружил подростка, тот уже был мертв. Судмедэкспертиза подтвердила, что Владимир Ситков скончался на месте. По расположению тела...

Я откладываю газету, не находя сил дочитать до конца. Холод пробегает по спине. Вова учился со мной в одном классе. Я неплохо его знала, мы даже пару раз пересекались на общих мероприятиях, и становится жутко не по себе от того, что теперь и его имя числится в списке шестнадцати погибших за последние четыре месяца.

Я встаю из-за стола и иду к себе в комнату.

Несмотря на приближение зимы, дома царит отвратительная жара. Я распахиваю окно и пытаюсь успокоиться. Мысли об изуродованном теле Ситкова не собираются покидать голову. Фотография с места преступления так и стоит перед глазами: его заломанные руки, лужа крови, синее от холода лицо. Я встряхиваю плечами.

— Лия, ты не собираешься с нами? — спрашивает мама, и я испуганно вздрагиваю. Она поднимает перед собой руки. — Прости. Не хотела напугать.

— Не могу... — Вижу: мертвое тело Ситкова. Вот он жив, вот — мертв. — Я дома останусь.

— Уверена? Мы достаточно хорошо общались с матерью Вовы, и было бы неприлично прийти на похороны без тебя. Он ведь твой одноклассник.

— Уже нет. — Я пугаюсь от своего же ответа. Смотрю на маму и чувствую себя ужасно неловко. — В смысле... — добавляю я, заламывая пальцы, — ...в смысле мне не по душе идти к Ситковым.

— Страшно?

— Еще как. До сих пор не могу поверить в то, что он умер. Мама поджимает губы и понимающе кивает.

— Ты права. Некоторые вещи не поддаются никаким объяснениям. И все же...

— Нет, — перебиваю я. — Пожалуйста, позволь мне остаться дома. Я не хочу видеть слезы матери Вовы, не хочу смотреть на его фотографии, не хочу есть остывшую еду и поддерживать разговор с незнакомыми людьми. Это чересчур для меня.

— Ладно, — сдается она. — В таком случае проследи, чтобы твоя сестра вернулась до девяти. Хорошо? Завтра рабочий день, и вам в школу.

Я киваю, наблюдая за тем, как мама выходит из комнаты. Вряд ли она знает, что Карина уже несколько месяцев подряд приходит домой далеко не к девяти. К тому же я все чаще начала замечать отеки, синяки и порезы на ее руках, шее, порой даже на лице. Это пугает меня и жутко злит, но когда я спрашиваю, где она шляется, Карина нагло улыбается и не отвечает, словно в глубине души радуется новой порции ушибов. Утром сестра обычно замазывает синяки дешевым тональным кремом и, не задерживаясь в одной комнате с родителями больше чем на две минуты, убегает в школу.

Иногда мне хочется схватить ее за плечи и с силой встряхнуть. Хочется крикнуть: «Что ты творишь? Почему не слушаешь меня, убегаешь из дома, когда каждую неделю в нашем районе пропадают или умирают подростки?» Но она не обращает на меня внимания. Это безумно раздражает, я старшая сестра, я главная, черт подери. Но Карина... Ей, видимо, наплевать. Абсолютно наплевать.

Захлопывается входная дверь. Я слежу за тем, как отъезжает машина родителей, и, задернув занавески, решительно выдыхаю. Если сегодня не увижу сестру дома вовремя, придушу ее собственными руками.

Затем меня вдруг накрывает странное чувство безысходности. Я ведь догадываюсь, где она, догадываюсь, почему на ее теле появляются синяки. Но мне не хочется признавать правду. Я упрямо отказываюсь верить в то, что Карина связалась с бандой подростков, которые славятся лишь тем, что у них абсолютно отсутствует чувство страха, совести и морали. Мне противно даже думать о том, что она проводит время с этими аморальными людьми, с этими животными.

Я вытираю руками холодный пот с лица и неуверенно оседаю на кровати.

Каждый подросток нашего района знает, что, едва наступают сумерки, на улицы выходят *они*.

Банда подростков. Место их гнездования: заброшенный парк аттракционов. Никто точно не знает, что они там делают, чем занимаются, но абсолютно все уверены: связаться с ними — подписать себе смертный приговор. Практически все из списка шестнадцати погибших проводили время с ними, и что теперь? Теперь их тела находят в районе парка и гадают: то ли подростки и правда сошли с ума и решили накладывать на себя руки ради забавы, то ли их убивают, толкая с моста, топя в реке или подставляя подножку на железнодорожных путях.

Мне всегда плохо, когда я думаю об убийствах, но сейчас все по-другому. Сейчас речь идет о Карине, и поэтому вместо недоумения я чувствую дикую злость. У меня внутри будто разгорается пожар. Я готова сорваться с места, схватить папино ружье и убить каждого, кто захочет причинить ей вред. И мне плевать на последствия. Я ощущаю огромную ответственность и прекрасно понимаю, что, сидя дома, сложив руки, позволяю Карине все глубже и глубже запутываться в сетях этой банды.

Не знаю, сколько проходит времени. Я плаваю в размышлениях несколько минут или часов, но неожиданно мои мысли прерывает звонок в дверь.

— О да. Слава богу! — выдыхаю я, выбегая из комнаты. Карина вернулась вовремя. Что ж, таким образом она спасла жизнь не только себе, но и мне. Замечательная новость. — Клянусь, приди ты еще минут на десять позже! — восклицаю я, открываю дверь и вижу на пороге Лешу. — Черт...

— Черт? — удивляется он. — Я так плохо выгляжу?

— Я думала, это Карина, — признаюсь я и пропускаю парня вперед. — Она как всегда задерживается.

— Твоя сестра идиотка. — Он произносит это с явным укором, но я даже не пытаюсь переубедить его. Она — идиотка, зачем отрицать? — Ты сказала ей, что те парни опасны?

— Ты же знаешь, что сказала.

— Почему же тогда она не дома?

— Откуда мне знать? — Я захлопываю дверь и взволнованно запроваляю за уши непослушные волосы. — Может, они держат ее? Может, она не в состоянии уйти?

— Умоляю тебя...

— А что? Что я должна думать?

— То, что Карина попала в плохую компанию.

Леша — мой единственный и, пожалуй, самый лучший друг. Его слова, все его выводы — мои слова, мои выводы. Мы неоднократно обсуждали данную ситуацию, я даже просила его поговорить с Кариной. Но все бесполезно. Такое чувство, будто мою сестру посадили на наркотики и теперь она не может сидеть дома, потому что ей необходима очередная доза.

— Я думала, ты на похоронах, — тихо протягиваю я и смотрю на Астахова. Его каштановые волосы растрепаны, словно он только что проснулся. — Кажется, у Ситковых соберется вся школа.

— Не для меня такие сборища, — горько усмехается парень. — Как по мне, так похороны — это пустая трата денег.

— Почему?

— Сама подумай. Приходят незнакомые люди, начинают говорить о уже мертвом человеке так, словно он был их лучшим другом, едят, пьют далеко не вишневый компот. К чему все это? Я считаю, прощаться с человеком должны только близкие. Никого лишнего: родители и лучшие друзья.

— Наверное.

Астахов кивает и бредет на кухню. Там по-хозяйски наливает себе воды и вновь поворачивается ко мне.

— А ты чего не пошла?

— По той же самой причине, что и ты. — Сажусь за стол. — Тошнит меня от похорон. Не люблю мероприятия, в которых главную роль исполняют покойники.

Леша усмехается и растирает руками лицо. Только сейчас я замечаю, что парень выглядит уставшим. Задумываюсь:

может, он подавлен смертью Вовы? Они иногда общались на перемене, но вряд ли это сделало их друзьями.

— Послушай, Лия, — медленно начинает он, и я выплываю из мыслей. — Мы должны что-то сделать, иначе потом будет поздно.

— О чем ты?

— Я о Карине.

— И что мы можем сделать? Моя сестра сошла с ума, и единственное, чем мы можем ей помочь, это упрятать в психушку.

— Понимаешь... Я уже сталкивался с таким! — с горечью признается парень. — Ничем хорошим подобные вещи не заканчиваются, поверь мне.

— Я знаю.

— Так что давай расскажем твоим родителям.

— О да, давай! А потом нас с Кариной обеих запрут дома до сорокалетия!

— Но тогда она хотя бы будет цела, понимаешь? — Леша подходит ко мне и смотрит в глаза так серьезно, что я буквально ощущаю, как на мои плечи ложится все больше и больше ответственности. — Твоим родителям пришлось многое пережить. Они ужасно переносили то время, когда ты была в больнице.

— Но я...

— Не перебивай меня. Дослушай. — Он выдыхает. — Им было очень трудно, Лия. Я видел это. Твоя мать не находила себе места, она каждый день прощалась с тобой и жила в страхе, что ты не очнешься. Не позволяй ей пережить это снова.

— Не нужно напоминать мне. Пусть я не помню, что было до моего пробуждения, я отлично запомнила то, что происходило после. — Мне больно слышать о больнице. Больно даже думать о ней. Сразу ощущаю запах лекарств, ощущаю иголки в руках и невообразимое чувство страха. Я пролежала в коме две недели, а когда очнулась, осознала, что из моей памяти выпал целый год. Целый год жизни, полной ощущений, событий, эмоций — он просто исчез! Доктора сказали, что я потеряла память от сильного удара по голове. Позже я узнала, что упала с пятиэтажного здания. Все называли мое выздоровление чудом, я же считала это некой стеркой, ко-

торой воспользовалась моя судьба, дабы избавиться от чего-то плохого и ненужного. С тех пор прошло четыре месяца. Я полностью восстановилась, жизнь стабилизировалась, но мне до сих пор кажется, что это «ненужное» было чем-то важным. Чем-то слишком близким и родным.

— Лия, — Леша, как всегда, выводит меня из транса своим серьезным, взрослым тоном, — ты должна что-то сделать, иначе мы потеряем Карину. Нам с тобой прекрасно известно, что она так долго не с подругами веселится, играя в шахматы, так что нужно действовать.

Его слова действуют на меня словно красная тряпка на быка. Я вдруг понимаю, что единственное, чем могу помочь сестре, это самостоятельно вызволить ее оттуда.

— Хорошо. Тогда я иду в парк.

Я резко срываюсь с места и иду в свою комнату. Когда я натягиваю на плечи теплую кофту, рядом появляется Леша.

— Ты меня неправильно поняла! — растерянно восклицает он. — Я имел в виду, давай обратимся к взрослым, давай привлечем полицию, но никак не давай разберемся сами!

— А мы и не будем разбираться сами. — Парень облегченно выдыхает, и тогда я продолжаю: — Ты со мной не идешь, так что разбираться я буду одна.

— Что?

— Будь на связи. — Я несусь по коридору и останавливаюсь возле двери, чтобы надеть пальто. — Я позвоню, если что-то пойдет не так.

— То, что твоя сестра идиотка, мы уяснили, но ты ведь в своем уме! Куда ты собираешься? — недовольно восклицает Леша и хватается за локоть. — Ты никуда не пойдешь, ясно?

— Карина в опасности, и ты прав — я должна что-то сделать.

— Но ты ничего не можешь! Господи, Лия, ты обычный подросток. Что ты сможешь предпринять против целой банды?

— Я не знаю, — честно признаюсь я и развожу руками. — Я надеюсь, что у меня получится просто схватить сестру за шиворот и по-тихому утащить домой. Затем мы спокойно обсудим ее поведение, она пообещает больше не шляться с этой бандой, и мы мирно уснем под звуки завывающего ветра за окном.

Я открываю дверь, но Леша тут же закрывает ее, преграждая мне путь.

— Ты спятила.

— Господи, Леш. Просто верь мне! — горячо протягиваю я. — Я не знаю почему, но мне кажется, что я поступаю правильно. Ты... — растираю руками лицо, — ты же знаешь, что это так. У меня нет выхода. Я должна помочь Карине, и тебе меня не остановить.

Парень думает несколько секунд.

Затем он уверенно выхватывает из моей руки ключи от квартиры и смотрит на меня так серьезно, что мне даже становится не по себе.

— Во-первых, одна ты никуда не пойдешь. Во-вторых, до парка в это время ходит мало автобусов, так что моя помощь тебе понадобится в любом случае. И в-третьих, — он тяжело выдыхает и открывает за своей спиной дверь, — прости меня за то, что я позволяю тебе это сделать.

— Спасибо. — Я кладу руку на плечо парню. — Спасибо тебе.

— Рано меня благодарить, — грустно протягивает Леша, и мы выходим из квартиры. — Будем праздновать, когда вернем твою сестру домой. — Через минуту он добавляет: — Если вернем.

— Не говори так. — Я иду на несколько шагов впереди и чувствую, как его взгляд прожигает мне спину. — Мы вытаскиваем Карину.

— Все слишком серьезно. Эта банда опасна. Ты думаешь, ребята из нашей школы пропадают, потому что теряются в округах Питера? Они умирают, Лия!

— Не нагнетай обстановку.

— Я просто хочу, чтобы ты понимала, на что идешь.

— Конечно, я понимаю.

— Тогда почему ты еще не звонишь родителям?!

— Потому что после разговора с ними и мне, и Карине придется туго, — недовольно чеканю я и отталкиваю дверь подъезда. — Неужели ты не понимаешь, насколько сильно изменится наша жизнь, узнай они правду? Карине запретят выходить из дома, мне же перестанут доверять, так как я упорно несколько недель подряд говорю маме, что сестра приходит домой очень рано. Но что, если Карина не в та-

ком плохом положении, как мы думаем? Что, если сейчас мы придем за ней и на этом все закончится? В этом случае привлечение родителей совершенно бессмысленно.

— Но что, если все именно так, как мы с тобой предполагаем? — устало спрашивает Леша и открывает мне дверь своего нового черного «Рено». — Что, если твоей сестре и правда не хватит только нашей помощи?

— Вот тогда и привлечем родителей, — садясь, заключаю я.

— Мы идиоты, как и твоя сестра! — восклицает парень и закрывает за мной дверь. Затем он обходит машину, усаживается за руль и отрезает: — Идиоты, и точка!

— Я и не спорю, — усмехаюсь я, хотя смех совершенно не уместен. Я смотрю на друга, на то, как напряжены его плечи, как крепко пальцы сжимают руль, как испуганно его лицо, и вновь смеюсь. — Леш, прекрати!

— Что? — недоуменно спрашивает парень. — Что не так?

— Прекрати волноваться!

— А ты прекрати смеяться. Мой испуг хотя бы оправдан.

— Прости. Нервы.

Леша горько улыбается и громко выдыхает:

— Мы с тобой отличная команда. Возможно, все и правда пройдет безболезненно.

— Мне ужасно жаль, что я втянула тебя.

— Я сам втянул себя, так что даже не начинай. Лучше подумай, что мы с тобой будем делать. Каков план, кэп?

— Ну... — Я смотрю в окно на размазанную картину города и прикусываю губу. — У меня нет четкого плана. Мы просто должны найти Карину, вывести ее из парка и, если понадобится, силой затащить в машину.

— Ты, наверное, забыла, что вокруг твоей сестры будет много недружелюбных людей.

— Я помню, но надеюсь, что сегодня у них будет хорошее настроение.

— Какой отличный план! — с сарказмом восклицает Леша. — Теперь я точно уверен, что мы уйдем живыми!

Я закатываю глаза и понижаю на сиденье. Астахов прав: план паршивый. Но что я могу против банды оголтелых преступников?

Уверенность начинает испаряться. Так и хочется крикнуть Леше, чтобы тот сильнее нажал на газ, иначе вместо

адреналина мной завладеет паника. Но я молчу. Пялюсь в окно и не могу даже пошевелиться.

Когда Астахов останавливается около ворот парка аттракционов, я чувствую, как сводит живот. Мне становится по-настоящему страшно, как бывает, если смотришь фильм ужасов один, в темноте, на полную громкость. Пальцы мертвой хваткой держатся за одеяло, глаза прикованы к экрану, тело отказывается шевелиться.

Я сейчас испытываю нечто похожее.

В голове возникают вопросы: что я здесь делаю? Кому и что пытаюсь доказать? Я не нахожу ответов.

— Готова? — Голос Леши где-то далеко. Не понимаю, как киваю, как выхожу из машины, как иду в парк. Разум отказывается принимать тот факт, что я решила на нечто подобное, но сердце упрямо тянет меня вперед.

Сначала я слышу музыку: тяжелый рок, металл, похожий на скрежет железа. Музыка становится громче, по мере того как мы приближаемся к аттракционам, затем становится просто оглушающей. Впереди показываются люди: много людей. Раза в три больше, чем я предполагала, и у меня потеют ладони.

— Надень капюшон, — командует Астахов, и я послушно натягиваю капюшон на лицо. — Нам ни к чему выделяться.

— Как их много, — шепчу я. Мои глаза широко раскрываются: я вижу толпу, стоящую около заброшенного колеса обозрения. Люди смеются, кричат, разбрызгивают пиво в разные стороны. Кто-то танцует, кто-то лежит на ледяном асфальте, кто-то кричит или дерется — полный хаос, изумительная свобода, которая не приносит ничего хорошего. Все без исключения одеты в темную одежду. У многих татуировки, пирсинг. Боже мой, может, это секта? — Надо найти Карину и сваливать отсюда.

— Полностью с тобой согласен.

— Разделимся. — Мой голос уверенный, так что Леша кивает и отдаляется от меня в противоположном направлении. Если бы он только знал, что творится у меня внутри. Не отошел бы от меня ни на шаг.

Я выдыхаю и продолжаю приближаться к толпе.

Значит, вот как выглядит эта знаменитая банда. Свора пьяных подростков, которая не в состоянии контролировать